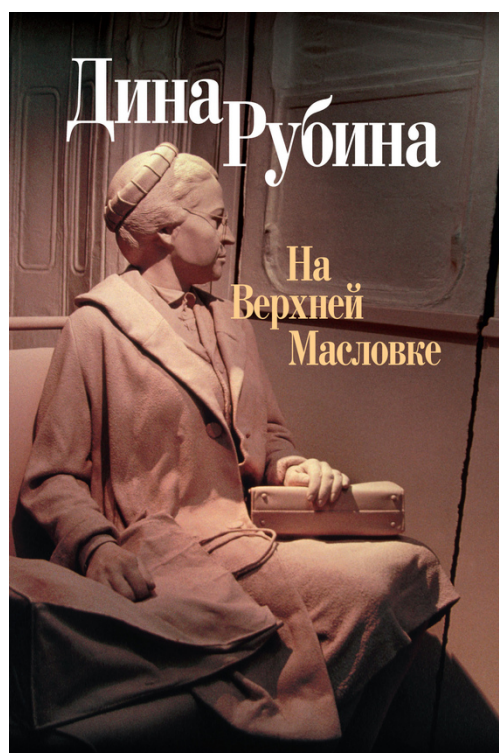

Дина Рубина

На
Верхней
Масловке

Дина Рубина

То, что написано за день

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

То, что написано за день / Д. И. Рубина — «Эксмо», — (Беседы о любви и смерти)

ISBN 978-5-457-32681-1

Интервью из авторского сборника Дины Рубиной «На Верхней Масловке» (изд-во «Эксмо», 2007 г.).

ISBN 978-5-457-32681-1

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина

То, что написано за день

Когда я прочитала на сайте вашу биографию, то поняла, что давно с ней знакома. С той или иной степенью достоверности ее можно, как мозаику, сложить из Ваших произведений. Вы даже не прикрываетесь третьим лицом.

Правда, в романе «Вот идет Мессия!» Вашей жизни хватило на двоих героинь... Может, это умелый, профессиональный обман читателя, но у меня есть ощущение, что я знаю Вас, не этапы биографии, а человека – с пристрастиями и слабостями, победами и поражениями. Вы выкрикнули какие-то вещи о своем сыне, описали языковой и культурный диссонанс с дочерью... Не пугает ли Вас такая открытость перед всем миром?

Бог с вами, да я – один из самых скрытных писателей! Поищите-ка у меня хоть одну откровенно интимную сцену, хоть одну, – действительно, болевую, *трагическую мою* – точку биографии, хоть один настоящий (в подлинном, творческом смысле слова, то есть – *этический*) промах... Я всегда – на белом коне, меня всегда не за что уцепиться. А то, что я жонглирую домашними, как кеглями... так ведь они – моя собственность, как и весь остальной мир, который я таскаю в своей котомке... Все это: вся жизнь, и я сама со всеми моими детьми и фактами биографии, – абсолютно, смею вас уверить, неинтересными, заурядными и даже обывательскими фактами биографии, – всего лишь сырой материал для творчества, и все мои домашние лишь в весьма малой степени соответствуют одноименным персонажам. Это не цинизм, и не «умелый обман», это – профессионализм человека, который четвертый десяток лет работает со словом. Понимаете, другая реальность, литература, – настолько отличается от сырья под названием «жизнь», что писатель может прикрываться или не прикрываться третьим лицом, может вывернуть все карманы со всем залежавшимся там мусором, – все это (при таланте, конечно, и мастерстве, – иначе мы просто не рассматриваем ситуацию!) **не имеет знака равенства с литературой.**

Писатель – сказочник, обманщик, фокусник... И хороший чуткий читатель это знает, и никогда не станет допытываться, как ребенок, которому на ночь рассказывают сказку: «А это правда было?».

Меня раздражает знак равенства между писателем и той особой, которую критики называют «лирической героиней». Лирическая героиня (читай: маска) – всегда прием, всегда – средство выразить, сказать, осуществить образ, идею, мысль, всегда – опора некой конструкции. Другой вопрос – насколько автору достает мастерства и таланта вдохнуть жизнь в своего гомункула.

И наконец, пугает ли меня что-то в литературе? – скажем, открытость перед всем миром, если бы таковая действительно наличествовала? В литературе меня пугает только одно: сбить планку, не перемахнуть через некую умозрительную и в то же время ужасающе реальную высоту, которую с последним абзацем романа (повести, рассказа) надо взять во что бы то ни стало. Невзятая высота в литературе (у каждого это своя норма, свои сантиметры или метры) – это крах, провал и ужас, от которого оправляются годами. Это неизбывный ночной кошмар, предвкушение торричеллиевой пустоты, следующей за последним абзацем очередной книги... Вот что сопровождает меня всю мою жизнь. Я всегда боялась себя больше, чем остального мира.

Карнавал явно или косвенно присутствует во многих Ваших книгах (даже в «Одном интеллигенте...», как упоминание фамилии Бахтина). Что это для вас? Знак

фразы «вся жизнь – театр» с уточнением, что не театр, а карнавал, или притягательность «внерамочности», перевертышей, языческого утверждения жизни, ее притягия во всей дикости и красоте?

Но искусство – всегда карнавал, всегда театр, перевертыш... если, конечно, это искусство. Вы говорите о «языческом утверждении жизни». Причем тут язычество? Во всех культурах, в том числе в еврейской, есть традиции карнавала. Возьмите наш Пурим. Я уж не говорю о том, что мужчины в Пуримшпиле обычно исполняли роль женщин, а это – главное свойство карнавала, но все ходы истории Пурима, весь этот гигантский перевертыш... – один из древнейших в истории карнавальных сюжетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.